

ЛЮБОВЬ АБУКАЕВА (Йошкар-Ола)

**ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ
НЕСОГЛАСИЯ, НЕПРИНЯТИЯ, ОТРИЦАНИЯ
В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Abstract. In the Mari language there are five main types of phraseological constructions that carry not only the main sense of the sentence, but also a subjective-modal function of negation, unacceptability and disagreement. The syntactic expressions can be modelled by means of their stable components — particles and pronouns. Those patterns are productive in spoken Mari and they are widely used in various genres of belles lettres.

Keywords: Mari, phraseological constructions.

Предложения, построенные по фразеологизированным структурным схемам, в марийском языкознании до настоящего времени не служили объектом специального исследования. Синтаксические фразеологизмы (далее — СФ) являются своеобразными сигналами экспрессивности, созданными для передачи информации более емкой по сравнению с содержанием предложений, построенных по свободным отвлеченным образцам. Такие построения передают широкий спектр субъективно-модальных значений.

Исследователи главным образом обращали внимание на категорию субъективной модальности в связи с изучением глагольных категорий наклонения и времени, а также модальных значений слов и некоторых аналитических форм (Васильев 1955; Пенгитов 1958; Гордеев 1960; 1961; Галкин, Гордеев 1961; Галкин 1964; Лаврентьев 1965; Тужаров 1966; Васикова 1973а; 1973б; Серебренников 1977; Исанбаев 1961; 1982; Bartens 1999).

По традиции в качестве средств выражения чувств и эмоций говорящего рассматривались модальные частицы и междометия (Современный марийский язык 1961 : 300—317; Учаев 1995 : 205—209).

Модальная окраска инфинитивных предложений рассмотрена З. В. Учаевым (1960). Кроме того, З. В. Учаев, говоря о стилистическом потенциале существительного, выделил две синтаксические конструкции с именами существительными, выражающие значение оценки. Внимание исследователя привлекли прежде всего структуры типа *Уна дечат уна улыда* 'Вы из (всех) гостей гости' и *Чыла ўдырамашлан*

ўдырамаш 'Всеим женщинам женщина' (1995 : 26). Следует отметить, однако, что в этих конструкциях не столько существительное реализует определенный стилистический потенциал, сколько сама структурная организация модели предопределяет субъективно-модальное значение оценки, т. е. такие структуры следует рассматривать как специальные синтаксические построения, приспособленные для выражения субъективно-модальных значений.

На необходимость изучения способов выражения субъективно-модальных значений с помощью фразеологизированных конструкций впервые обратила внимание Л. П. Васикова. Выявив список предложений, построенных по свободным структурным схемам, и описав их, она поставила задачу изучить предложения, организованные по фразеологизированным моделям. По определению Л. П. Васиковой, «фразеологизированные предложения — структуры, в которых компоненты структурной схемы предложения соединяются с распространителями схемы и образуют синтаксически неразложимое сочетание» (1982 : 30). Она особо отмечает, что «без составления более или менее полного списка (что является делом нелегким: фразеологизированные предложения находятся на стыке синтаксиса и фразеологии) трудно систематизировать схемы подобных предложений» (Васикова 1982 : 30).

Для обозначения фразеологизированных синтаксических конструкций в лингвистике существует несколько терминов: застывшая конструкция (Шведова 1958); шаблонная фраза, синтаксический фразеологизм (Шведова 1958; Величко 1996), фразеосхема (Шмелев 1958; Меликян 2001), предложение, построенное по жесткой схеме (Белашапкина 1967), застывший синтаксический оборот (Кручинина 1968), связанная синтаксическая конструкция (Шмелев 1960), синтаксический идиоматизм (Шведова 2003).

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, следует считать термин «синтаксический фразеологизм», идентичен которому термин «синтаксический идиоматизм». Термин «шаблонная фраза» ассоциируется с клише, стандартизованными фразами — принадлежностью официально-делового стиля. Термины «застывший синтаксический оборот», «застывшая конструкция» не в полной мере отражают грамматическую природу рассматриваемых конструкций, так как «застывшей», фразеологизированной является сама модель. Термином «фразеосхема или фразеологизированная схема» логично обозначить модели (структурные схемы, отвлеченные образцы), по которым строятся такие предложения в противопоставление их предложениям, построенным по свободным структурным схемам.

Синтаксические фразеологизмы выступают как конструкции, специально приспособленные для передачи, помимо объективного содержания высказывания, эмоционально-экспрессивного содержания. Так, употребление СФ согласия часто сигнализирует о безразличном отношении говорящего к содержанию высказывания: *С и т а г ы н с и т а, т у г е ж е о м а к о й л о* (Емельянов 71) 'Х в а т и т т а к х в а т и т, т о г д а и н е б у д у г о в о р и т ь'. Тональность удивления, восхищения, восторга создают СФ множественности: *С е м ж ы м к у з е г ы н а о к к а д ы р т ы л: о й г а н - ш и ј л ы к а н а т ш о к т е н к о л т а, в е с е л а н -*

талынат шергылтеш (Алексеев 165) 'Мелодии как только не выводит: и печальная-грустная слышна, и веселая-сильная звучит'. СФ отрицания чаще всего передают возмущение, негодование, недовольство или удивление: *М о г а й м о д м а ш, м о н г ы ш т ö ш о г ы ж о* (Шабдар Осып 162) 'Как ая игра, пусть дома сидит'.

Значение таких предложений определяется не только лексическим составом схемы, но и ее постоянными компонентами, а также зависит от микро- или макроконтраста или конситуации и интонации. Семантика СФ в марийском языке весьма многообразна. Учитывая субъективно-модальное значение СФ, а также названные факторы, на первом уровне классификации можно выделить следующие СФ:

1. выражающие оценку: *П у н д ы ш г ы н, п у н д ы ш а к!* *Кўлешымаат йодын ок мошто* (Асаев 308) 'Пенек так пенек! Даже нужное не может попросить'; *Вот кō ушан гын ушан* (Алексеев 147) 'Вот кто умный так умный'; *О лы к ш о — о лы к м о?* *Элнет сер мучко, йогын почеш пурла велне, тыгыде вондер, шуанвондо, почкалтыш, энгыжвондо коклаште верын-верын шій дангыт шудо кушкеш* (Осмин 69) 'Лу г-т о л у г л и? По берегу реки Элнет, справа по течению, мелкий кустарник, шиповник, крапива, среди кустов малины местами по шею растет трава'. Значение подобных конструкций выявляется при их трансформации в предложения, построенные по свободным структурным схемам, ср. *У д а о лы к* (+ недовольство, недоумение). *Элнет сер мучко, йогын почеш пурла велне, тыгыде вондер, шуанвондо, почкалтыш, энгыжвондо коклаште верын-верын шій дангыт шудо кушкеш* 'П л о х о й л у г' (+ недовольство, недоумение). По берегу реки Элнет, справа по течению, мелкий кустарник, шиповник, крапива, среди кустов малины местами по шею растет трава'. Рассмотренная фразеологизированная конструкция передает значение отрицательной оценки;
2. со значением превосходства: *Те мемнан вет генерал дечат генерал улыда* (Галютин 140) 'Вы ведь у нас генерал из генералов'; *Икана Варлам Яковлевич ватыж дене сырен. В а т ы ж е т у д ы н — у р я д н и к л а н у р я д н и к* (Чавайн 205) 'Однажды Варлам Яковлевич поссорился со своей женой. Ж е н а у него — у р я д н и к у у р я д н и к';
3. согласия, принятия: *Каена дык каена* (Артамонов 44) 'Пойдем так пойдем'; *К у н а м о к к е л ш е, садак икана марлан каяш логалеш вет* (Артамонов 111) 'К а к н е с о г л а с и т с я (букв. 'Когда не согласится'), все равно однажды придется выйти замуж';
4. несогласия, отрицания: — *Тачана акай, кушталте, — письмам кўшкō нōлталын, Марина шыргыжал колтыш. — Айда, пу вашке, м о г а й т у ш т о к у ш т а ш* (Артамонов 87) '— Татьяна, сестрица, пляши, — подняв письмо, Марина улыбнулась. — Айда, давай быстрей, к а к о е т а м п л я с а т ь';
5. со значением разнообразия, множественности, распространенности, преобладания: ... *бал-маскарад тїнгале. М о г а й в о л ь ы к д е н и р ы н л ы к т ы ш к е т о л ы н о г ы л: пире, маска, ур, каза ... К ö м т ы ш т е о т у ж: Дон Кихот, вувер кува, Евгений Онегин* (Артамонов 26) 'Начался бал-маскарад. К а к и е т о л ь к о ж и в о т н ы е и з в е р и с ю д а н е п р и ш л и: волк, медведь,

белка, коза... Кого только здесь не увидишь: Дон Кихот, Баба Яга, Евгений Онегин'.

6. выражающие единственность, исключительность, ограниченность: *Тыланда кушташ-мураш гына лийже* (Артамонов 103) 'Вам бы только плясать-петь';

7. со значением акцентирования, выделения: *Мо-мо, а книга мыйын улдалеш* (Алексеев 165) 'Что-что, а книги у меня имеются';

8. со значением логической обусловленности и обстоятельственной характеристики: *Но шоны маш шоны маш дене, а паша шкешотшо дене: тудо юватылым ок вучо* (Асаев 104) 'Но мечты мечтами, а работа своей колеей: она не будет ждать'; — *Пеш нужна вет? — аваже йодеш. — Ну жна-же ну жна, но пеш мотор, ялыште огыл, ну, нигуштат тугай чапле уке* (Чавайн 131) '— Ведь очень бедная? — мать-его спрашивает. — Бедная-то бедная, но очень красивая, не то что в деревне, ну, нигде такой славной нет';

9. передающие необходимость, целесообразность: *Чыла, чылажат шерым темен. Чыла-чыла. Кеч илымым чарне, кеч коллен воч* (Бердинский 1994) 'Все, все надоело. Все-все. Хотя не живи, хоть ложись и умирай'; *Ужат, садна могой сылне лийын. Волгыдо — кеч тйрым тйрлө* (Волков 60) 'Видишь, сад-наш каким прекрасным стал. Светло — хоть вышивай'. Значение этих ФС — называние такого действия, состояния, которое может рассматриваться как наиболее целесообразный в данной ситуации результат проявления другого действия или состояния. Они передают отношение говорящего к ситуации, которая вызывает крайнюю реакцию, однако действие, указанное в императиве, может быть рассмотрено лишь как потенциально возможное, наиболее целесообразное, но не обязательное;

10. выражающие ненужность, нецелесообразность, невозможность: *Вот эше шонен луктын! Механизатор, да кылма* (Волков 142) 'Вот еще выдумала! Механизатор да замерзнет'.

В данной работе объектом исследования являются СФ со значением несогласия, непринятия, отрицания в марийском литературном языке, особенности их структурной организации и семантики.

СФ, обладающие субъектно-модальным значением экспрессивного несогласия, отрицания, в марийском литературном языке создаются по пяти отвлеченным образцам.

1. Модель «*могой* + (*тушто/тылат*) + сущ./прил./местоим./нар./глагол + (*да мойн / да монь / мойн*)»

К этой группе следует отнести СФ, модель которых включает слово *тушто* 'там' и стоящее перед ним вопросительное местоимение *могой* 'какой'. В качестве свободных компонентов выступают имя существительное, имя прилагательное, местоимение, наречие, инфинитив, реже страдательное причастие в роли субстантива.

Наиболее употребительны в роли свободного компонента нарицательные существительные: — *Циркыш докан. — Могой цирк да мойн. Теве тиде малайлан туня илышым ончыктынем* (Алексеев 137) '— В цирк, наверно. — Какой цирк (букв. 'Какой цирк да что-то'). Вот этому молодцу хочу жизнь показать'. Имена собст-

венные в этой функции менее продуктивны, например, — *Леонид Ионыч вет? — шыргыжале Гриша. — М о г а й т у ш т о И о н ы ч? Леня — и чыла* (Абукаев-Энгак 206) — Леонид Ионыч ведь? — улыбнулся Гриша. — *К а к о й т а м И о н ы ч? Леня — и все*'.

Как вариант рассматриваемой структуры можно отметить предложения, в которых вместо *тушто* 'там' используется местоимение *тылат* 'тебе'; оно постепенно утрачивает свое категориальное и лексическое значение, например, *М о г а й т ы л а т Л и с у к. Ончо, кудем почкалтыш когартен* (Осмин 242) 'К а к а я т е б е Л и с у к. Смотри, крапива руку мою обожгла'.

Факультативным компонентом модели является частица *да мойн / да монь / мойн* 'да что-то, да что-то еще': *Кенета я ош куэ парчаште, я нёлперыште чевер-чечен олма кечыме гыч койылалтат. Тўткынка ончалат гын, м о г а й о л м а д а м о й н — йошкар онган брш-влак* (Алексеев 243) 'Вдруг на ветке белой березы или на ольхе показываются красивые красные яблоки. Если присмотришься внимательнее, к а к о е т а м я б л о к о (букв. 'какое там яблоко да что-то') — красногрудые снегири'.

Основная модель СФ рассматриваемой структуры имеет 26 вариантов, которые реализуются за счет наличия или отсутствия факультативных компонентов, а также варьирования структурных элементов схемы.

Семантика таких фразеологизированных конструкций сводится к отрицанию возможности наличия какого-либо объекта, признака или действия, т.е. к полному отрицанию того, что называется свободным компонентом. Причем такой объект, действие или признак мыслится как неуместный, неактуальный. Структурный компонент *тушто* 'там', который подвергся десемантизации, может отсутствовать, что не меняет значения СФ.

Синтаксические фразеологизмы несогласия, отрицания обычно используются в ответных репликах диалога при отрицании предыдущего высказывания: — *Оксам налнеда але машинак тыланда кўлеш? — йодыш тушеч шоктыш. — М о г а й о к с а д а м о н ь! Мыланна [---] машинак кўлеш* (Емельянов 109) — Деньги хотите получить или вам машина нужна? — *К а к и е д е н ь г и* (букв. 'Какие деньги да что-то!') Нам машина же нужна'.

2. Модель «сущ. им. пад. + *-ат/-ет* + сущ. им. пад. + *огыл*»

Вторая разновидность СФ, выражающих отрицание в марийском языке, строится на основе повтора двух существительных в именительном падеже; первое сопровождается усилительной частицей *-ат* 'и' или *-ет* 'и', второе — словоформой *огыл* 'не' — отрицательной формой 3-го л. ед. ч. наст. вр. от *улаш* 'быть': *Ача мутат мут огыл, ава вурсымат тудлан вурсымо огыл* (Орай 82) 'И слово отца не слово, и упрек матери ему не упрек'.

В таких структурах, как правило, присутствует словоформа с субъектным значением: *А ожо тарваньде шога, п у й т о т у д л а н т а л е м а р д е ж а т м а р д е ж о г ы л* (Косоротов 34) 'А жеребец стоит не шелохнувшись, будто ему и сильный ветер не ветер'. При незамещенности синтаксической позиции субъекта его значение понятно из ситуации или контекста.

Семантику СФ данной группы можно описать следующим образом: отрицаются явление, его признаки как утратившие свою первоначальную значимость или не имеющие на данный момент какого-либо значения для субъекта в силу иных обстоятельств, которые читатель или слушающий понимает из микро- или макроконтекста, речевой ситуации.

Повышенной экспрессивностью обладают структуры, в которых представлено два или более синтаксических фразеологизмов, построенных по одной схеме: *Й ѳ ш т е т ѳ ѳ ш т ѳ о г ы л, п о р а н е т п о р а н о г ы л. Ш ѳ м ы ш т ѳ м а й л и й м е к, м о л ы ж о м о?* (Галютин 157) 'Холод не холод, метель не метель. Если в средце весна, остальное что?'; *Ы н д е к у м т ы л з е л и е ш т у д л а н ѳ ѳ р е т ѳ ѳ р о г ы л, м а р д е ж е т м а р д е ж о г ы л* (Асаев 316) 'Вот уже три месяца ему дождь не дождь, ветер не ветер'.

3. Модель «атрибутив + сущ. им. пад. + мо + сущ. им. пад.»

В роли свободных компонентов экспрессивных конструкций, строящихся по указанной модели, выступают повторяющиеся имена существительные в именительном падеже, между которыми располагается постоянный компонент — частица *мо* 'что, что за'. Реализация модели осуществляется при наличии свободного компонента с атрибутивным значением — имени прилагательного или местоимения, например, — *Ш о к ш о м о н ч а ш л о г а л м е м г а й ч у ч е ш ! К е ч ы ж а т м о м т ы н а р е т ѳ ч а г ы н ? — Т и д е ш о к ш о — м о ш о к ш о ! Т е в е А ф р и к ы ш т е и л е н о н ч ы з а / Т у н а м п а л е д а, м о т у г а й ш о к ш о* (Юксерн 34) '— Мне кажется, что я в жаркую баню попал! И что солнце творит? — Как а я э т о ж а р а ! (букв. 'Эта жара — что за жара!') Вот попробуйте жить в Африке. Тогда поймете, что такое жара'; *Й о л е т ы м э м г а т ы ш ы ч с о д ы к и. Н о т и д е э н г е к м о э н г е к ? Й о л е т к ѳ р л ж ѳ, в у е т ш а л а н ы ж е, н о — м ы л а м г ы н — н а м ы с е т т и ч м а ш к о д ш о* (Микишкин 137) 'Ногу поранил все-таки. Но раз ве э т о б е д а ? (букв. 'Но эта беда что за беда?') Пусть нога сломается, голова разобьется, но, по-моему, пусть честь останется нетронутой'. У СФ, которые строятся по указанному отвлеченному образцу, вариантов нет.

Типизированное значение рассматриваемых СФ можно описать таким образом: качество того или иного предмета (явления) оценивается как такое, которое не проявляется в полной мере, предполагается, что есть другой предмет (другое явление), в котором подобное свойство находит свое максимальное выражение. Фразеологизированные предложения рассматриваемой модели обозначают также оценку предмета, который не может реализовать себя без какого-либо признака, качества, свойства: *А о ж н ы р а к т ы г е о й л а т ы л е: к а п к а о р о л д е ч п о с н а п а с у г а п к а — м о к а п к а ?* (Колумб 205) 'А раньше так говорили: б е з с т о р о ж а в о р о т а — к а к и е в о р о т а ?'. 4. Модель «сущ. дат. пад. / местоим. дат. пад. (+ суф. -ше/-шо/-шѳ/-же/-жо/-жѳ) + мо»

В роли постоянного компонента СФ здесь употребляется частица *мо* 'что'. Свободные компоненты — имя существительное или местоимение в дательном падеже. Существительное может выступать с распространителями, имеющими определительное значение. Данная модель СФ имеет два варианта.

Семантика таких структур может быть охарактеризована как отрицание всех обстоятельств действия или состояния, абсолютная независимость предмета от каких-либо факторов. Например: «*Мыланем же мо, шке пашам ыштенам*», *маншыла куэ йымак шуйнен возым* (Алексеев 21) 'Как будто говоря: «Мне-то что, я свое дело сделал», растянулся я под березой'.

Усилению экспрессивности и значения отрицания способствует наличие при СФ предложений нейтрального синтаксиса: *А пўйи шукшлан мо? Тамак шикшет, кочо одеколонет пычырикат ок логал* (Артамонов 98) 'А зубному червяку что? Ни дым сигарет, ни горечь одеколona не берет'.

5. Модель «мо + сущ. дат. пад. / местоим. дат. пад. + сущ. им. пад.»

Постоянным компонентом данных СФ является частица *мо* 'что', которая утратила свое вопросительное значение. Свободные компоненты модели — имя существительное в дательном падеже или местоимение в дательном падеже, имеющие значение субъекта. К ним присоединяется имя существительное в именительном падеже с объектным значением: *Лексанлан Йыван мо. Тудо шкежак пижын шинчын огыл вет, тургыжланап* (Смирнов 122) 'Лексану Иван что. Не он же сам застрял, чтобы пережить'. Модель имеет два варианта.

Отрицаемый объект называется конкретно в свободном компоненте. Помимо значения экспрессивного отрицания рассмотренные СФ передают и значение негативной реакции: недовольства, возмущения, негодования.

СФ вступают в отношения синтаксической омонимии и синонимии с предложениями нейтрального синтаксиса. На омонимичные отношения между «свободными синтаксическими построениями и фразеологическими схемами» обратил внимание Д. Н. Шмелев, изучая некоторые способы экспрессивно-иронического выражения отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке (1958 : 63).

Таким образом, в марийском литературном языке нами зафиксировано пять основных моделей фразеологизированных конструкций, которые, помимо основного содержания предложения, передают субъективно-модальное значение отрицания, неприятия, несогласия. Семантика таких структур в целом богаче, чем семантика предложений, построенных по свободным структурным схемам. Модели рассмотренных СФ организуются с помощью постоянных компонентов частиц и местоимений и отличаются продуктивностью в разговорной речи. В различных жанрах художественной прозы и драматургии они используются как конструкции, обладающие значительными экспрессивными возможностями.

Сокращения

Абукаев-Эмгак — В. Абукаев-Эмгак, Шочмо тувыр, Йошкар-Ола 1991; **Алексеев** — Г. Алексеев, Ёшаным ёжара конда, Йошкар-Ола 1993; **Артамонов** — Ю. Артамонов, Кузе илет, пошкудем, Йошкар-Ола 1975; **Асаев** — А. Асаев, Юлмар ден юмын ёдыр, Йошкар-Ола 1996; **Бердинский** — В. Бердинский, Тый — мылам, мый — тылат, Йошкар-Ола 1994; **Волков** — А. Вол-

ков, Ёдыр кумыл, Йошкар-Ола 1988; **Галютин** — Ю. Г а л ю т и н, Мужыр куэ, Йошкар-Ола 1986; **Емельянов** — П. Е м е л ь я н о в, Пытаргыш приговор, Йошкар-Ола—Звенигово 1996; **Колумб** — В. К о л у м б, Ёмыремым арам шым эртаре, Йошкар-Ола 1999; **Косоротов** — В. К о с о р о т о в, Тура кугорно, Йошкар-Ола 1990; **Микишкин** — В. М и к и ш к и н, Пёрдем, Йошкар-Ола 1991; **Орай** — Д. О р а й, Тўтыра вошт, Йошкар-Ола 1978; **Осмин** — Й. О с м и н, Кава ден мланде коклаште, Йошкар-Ола 1996; **Смирнов** — В. С м и р н о в, Кок гана кокыт, Йошкар-Ола 2003; **Чавайн** — С. Ч а в а й н, Сылнымутан произведений-влак, т. 5, Йошкар-Ола 1967; **Шабдар Осып** — Ш а б д а р О с ы п, Мурпого, Йошкар-Ола 1988; **Юксерн** — В. Ю к с е р н, Кўсле, Йошкар-Ола 1978.

ЛИТЕРАТУРА

- Б е л о ш а п к о в а В. А. 1967, Сложное предложение в русском языке, Москва.
- В а с и к о в а Л. П. 1973а, Модальное значение прошедшего длительного в марийском языке. — Вопросы марийского языкознания, вып. III, Йошкар-Ола, 125—133.
- 1973б, Полисемантические суффиксы глагола марийского языка. — Вопросы марийского языкознания, вып. III, Йошкар-Ола, 133—144.
- 1982, Сложные предложения в современном марийском литературном языке, ч. I. Структурные схемы предложений. Сложносочиненные предложения, Йошкар-Ола.
- В а с и л ь е в В. М. 1955, Наклонения и некоторые глагольные формы в марийском языке. — ТМарНИИ, вып. VII, 97—125.
- В е л и ч к о А. В. 1996, Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. Учебное пособие, Москва.
- Г а л к и н И. С., Г о р д е е в Ф. И. 1961, Категория наклонения. — Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола, 166—180.
- Г а л к и н И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. I, Йошкар-Ола.
- Г о р д е е в Ф. И. 1960, Повелительное наклонение в современном марийском языке. — ТМарНИИ, вып. XIII, 101—120.
- 1961, Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Тарту.
- И с а н б а е в Н. И. 1961, Вспомогательные глаголы, придающие другим глаголам модальные значения. — Современный марийский язык, Йошкар-Ола, 201—202.
- 1982, Аналитические формы модальности в марийском языке. — Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола, 7—55.
- К р у ч и н и н а И. Н. 1968, Синтаксис разговорной речи. — Русская речь, 56—60.
- Л а в р е н т ь е в Г. И. 1965, Императив и оптатив в волжском говоре марийского языка. — СФУ I, 199—205.
- М е л и к я н В. Ю. 2001, Проблема статуса и функционирования коммуникем. Язык и речь, Ростов-на-Дону.
- П е н г и т о в Н. Т. 1958, Сопоставительная грамматика русского и марийского языков, Йошкар-Ола, 106—108.
- Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961.
- Т у ж а р о в Г. М. 1966, Частицы, употребляющиеся в формах императива в яранском говоре марийского языка. — СФУ II, 103—106.
- У ч а е в З. В. 1960, Инфинитивные предложения в марийском языке. — ТМарНИИ, вып. XIII, 121—135.
- 1995, Марий йылме. Мут вашталтмаш, Йошкар-Ола.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1977, О происхождении прошедшего длительного в марийском языке. — Дialectы и топонимия Поволжья, вып. V, Чебоксары, 3—9.
- Ш в е д о в а Н. Ю. 1958, О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи. — ВЯ, № 2, 93—100.
- 2003, Очерки по синтаксису русской разговорной речи, Москва.

Любовь Абукаева

- Ш м е л е в Д. Н. 1958, Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. — ВЯ, № 6, 63—75.
— 1960, О «связанных синтаксических конструкциях» в русском языке. — ВЯ, № 5, 47—60.
B a r t e n s, H.-H. 1999, Dynamische Modalität im Tscheremissischen. — LU XXXV, 22—34.

LJUBOV' ABUKAJEVA (Joškar-Ola)

**ABLEHNUNG, UNANNEHMBARKEIT UND NEGATION
AUSDRÜCKENDE PHRASEOLOGISCHE KONSTRUKTIONEN
IN DER MARISCHEN SPRACHE**

Die Autorin hat im Marischen fünf Modelle phraseologischer Konstruktionen herauskristallisiert, mit deren Hilfe neben der Hauptbedeutung des Satzes auch eine subjektiv-modale Verneinung, Unannehmbarkeit und Ablehnung zum Ausdruck gebracht werden können. Diese syntaktischen phraseologischen Modelle bestehen aus festen Komponenten wie Partikel und Pronomina. In der Umgangssprache finden solche Konstruktionen eine produktive Anwendung und sie kommen ebenso in verschiedenen Genres der Belletristik zum Einsatz.